

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Быкова, Дарья.

Б95 Любовь попаданки / Дарья Быкова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (*История попаданки*).

ISBN 978-5-17-108929-0.

Стоит ли бороться за свою любовь?

Маша уверена, что стоит. Никита Рекунов — ее судьба, и она готова за ним и в огонь и в воду, и даже к неприятным ей инопланетянам. Стоит ли этим самым инопланетянам доверять? Определенно нет. Не стоит. Особенно этому синеглазому киару, не зря же от одного его взгляда становится не по себе... А случай, судьба и собственная неосмотрительность, как назло, сводят с ним все чаще...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108929-0.

© Д. Быкова, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА 1

Маша и ксенофобия

Когда случился первый контакт, я была на третьем курсе и, признаться честно, восприняла новость об этом весьма равнодушно. Мой младший брат прыгал от восторга и мечтал на них посмотреть, а лучше потрогать — вот уж бр-р-р, а я думала о вещах куда более важных — что мне надеть на свидание с Ромкой. Не то чтобы все мои интересы и в самом деле сводились исключительно к платьям и мальчикам, но встреча с Романом уже через пару часов и в кафе по соседству, а эти инопланетяне где-то в Средиземном море, не говоря уже о том, что живут вообще далеко в космосе и встречаться со мной, к счастью, не собираются.

Слухов и домыслов тогда было немерено. Каждый считал своим долгом поделиться страхами или надеждами. Кто-то кричал, что они нас поработят, кто-то — что, наоборот, приведут, наконец, к светлому будущему. Первых, кстати, было значительно больше, и на вторых они посматривали с этакой снисходительностью: дескать, что с вас, блаженных, взять? Почему-то ожидание от жизни и окружающих исключительно плохого часто считается искушенностью и чуть ли не мудростью, хотя на самом деле это обычный пессимизм и попытка создать иллю-

зию контроля, чтобы не так страшно было болтаться в лодке жизни по ее непредсказуемым волнам.

Что ожидаемо, ни сказки, ни кошмара не случилось. Они охотно обменивались с нами технологиями, причем, это как-то не афишировалось, но было заметно: исключительно мирными технологиями и со всеми странами сразу. Вероятно, их странная этика велела поступать именно так. Этим, пожалуй, и только этим они мне были немного симпатичны, но куда более они были мне безразличны. В космос я никогда не рвалась — я и в самолетах-то чувствую себя крайне плохо, во власть мне тоже ни к чему, да и не возьмут так сразу наверх-то, а значит, пересечься с гостями из космоса мне негде. И это прекрасно!

С этой установкой я и прожила следующие два с половиной года, а теперь вот стою в длинной очереди желающих попасть в совместный проект землян и инопланетян. Проект то ли по освоению чего-то там, то ли по исследованию того же чего-то там. В общем-то, мне неважно. Хотя надо кого-нибудь из конкурентов ненавязчиво распросить, а то вдруг вопрос какой зададут на собеседовании. Не могу же я вывалить на них правду: к вам Никитос записался, а я его люблю не могу. И он меня тоже. Наверное. Просто сам этого еще не понял. Вернее, запутался. Такое бывает. Говорят.

Не просто так ведь Никитос добивался меня почти полгода, красиво, очень красиво, гад такой — да я любя, любя! — ухаживал, а когда я сдалась-таки на милость победителя, он почти сразу и охладел. А я, наоборот, — влюбилась по уши и даже больше и, узнав, что его зачи-

слили (соцсети — наше все!), бросилась тоже подавать заявку. Успела в последний момент. А сегодня — последний день собеседований, вот и вытянулась очередь на весь коридор моего родного вуза, и что-то подсказывает мне, что номер «триста пять» — несчастливый, равно как и еще сто — сто пятьдесят номеров до него, нас просто не успеют принять. А мне надо. У меня любовь!

Удивительно, но без пяти минут семь я все-таки вошла в заветный кабинет. И едва сделала шаг от порога внутрь, как уже улегшееся было от усталости волнение охватило с новой силой. Это у остальных решается всего лишь место практики, а у меня на кону вся судьба!

— Мария Романова? — равнодушно спросил председатель комиссии, к счастью, человек. — Зачем вы хотите участвовать?

Я открыла уже рот, чтобы вдохновенно соврать какую-нибудь полагающуюся по случаю чушь, у меня это иногда очень даже неплохо выходит, жаль, что только иногда, но тут мой взгляд наткнулся на него. На инопланетянина. У них в комиссии был инопланетянин, а я до сих пор их как-то... ну, не очень. Да, это немного странно, учитывая, что я рвусь в совместный проект, но к тому, что они встретятся где-то там и когда-то потом, я была готова, я на все ради любви была готова. А вот уже сегодня сталкиваться с ними — оказывается, нет. Тем более с такой частотой. Ведь этот уже не первый... хотя, может, это он же? Если он же, то плохо дело... а ведь похож! Ох...

— Скажите, Мария, — вступил он в разговор. Голос был приятный, и если постараться, то можно попробо-

вать представить, что это просто обычный земной мужчина. Ага, размечталась. — Вы испытываете неприязнь к нашей расе?

И — я прямо чувствую — глазами впился. Они что, правда, что ли, ложь чувствуют? И что за вопрос — стандартный ли?

— Нет, — бодро соврала я. — Никак нет. Зачем бы я иначе хотела принять участие в этом проекте?

Ну, точно он. Вон как недоверчиво прищурился и сейчас головой покачает, и все. Никитос улетит, а я останусь с разбитым сердцем и ворохом сожалений.

Этого синеглазого я встретила в коридоре еще утром. Ну, как встретила... Я от него шарахнулась, ударилась о стенку и чуть не упала, а он же меня и поддержал. Я не визжала, но поспешно высвободилась, смущенно бормоча какие-то извинения пополам с благодарностью, совершенно не искренние, увы.

— Мне показалось, что мое прикосновение было вам неприятно, — спокойно сказал он, абсолютно не смущаясь присутствия лишних ушей. Скучно ему, что ли?

— С прикосновениями незнакомых людей — то же самое, — поспешно заверила я его, понимая — не верит.

Но он неожиданно кивнул, и председатель комиссии удивленно, как мне показалось, сообщил:

— Вы зачислены. Через три дня — оргсобрание, информацию можете найти на сайте. Всего доброго.

Я очень быстро убралась из кабинета, на радостях бросившись обнимать следующего за мной кандидата, и вдруг с ужасом поняла, что этим как раз окончательно

прокололась — тот синеглазый инопланетянин прямо с порога задал моей жертве вопрос:

— Давно вы знакомы с Марией Романовой?

Вообще, если подумать объективно и отстраненно, то ничего такого в этих вот инопланетянах не было: ни скользких щупалец, ни третьего-четвертого и так далее глаза, ни мерзких каких-нибудь наростов... Так что объяснить свою неприязнь как-то логически я не могла, возможно, дело как раз в том, что слишком они похожи на нас, но внутри-то наверняка совершенно другие. Это как с поганками: больше всего ненавижу именно те, которые маскируются под благородные грибы. Но ничего. Ради любимого я потерплю. Кстати, о любимом...

Сказать ему сразу? — подумала, открывая Никитину страницу в соцсети. Или встретить на оргсобрании и сделать вид, что и не знала, что он тоже вписался в этот проект? И хорошо бы при этом как-нибудь еще внушить ему мысль, что сама судьба сводит нас вместе, вот только гипнозом я, увы, не владею. Вообще, мне хотелось как-то исхитриться и пройти по тонкой грани: с одной стороны, ни в коем случае не показаться навязчивой, а с другой — не дать о себе забыть. Подожду, — все же решила я, два дня как-нибудь да протерплю... и тут мой взгляд упал на сообщение на его «стене» от некой «Натусик». Эта... эта... отправила ему песню, на редкость дурацкую песню, ну и что с того, что я сама ее напеваю периодически? И сердечко нарисовала, в котором указала «Н&Н». Никитос и Натусик, надо думать. А он... он это убожество лайкнул. Не могло же оно в са-

мом деле ему понравиться, право слово? И эта сюсюкающая Натуся тоже, наверняка, не могла. Он у меня просто вежливый мальчик, добрый... Расстраивать не хотел. Ну вот, у нее на стене от него, к счастью, ничего и нет. Разве что, — испортила я сама себе чуть наладившееся уже настроение, — мне он тоже ничего никогда не писал вот так вот, напоказ.

Помедитировав еще минут десять на страницу любимого и обожаемого, я все же заставила себя ее закрыть и полезла на сайт этого, теперь я могу говорить «нашего», проекта. Там меня поджидала очередная засада: оказывается, каждый участник еще должен пройти собеседование с психологом. С их психологом! А я и с человеческими-то не очень нахожу контакт. Хотя опыт у меня небольшой: ежегодная медкомиссия в вузе, куда с недавнего времени включили то ли психолога, то ли психотерапевта, и еще одно добровольное обращение к психологу в надежде, что она — а мне ее троюродная сестра очень даже рекламировала и именно в таком качестве — научит, как быстро и с гарантией вернуть Никитоса. Ни то, ни другое мне симпатии к людям с профессией, начинающейся на «псих» не добавило.

Осмотры я не любила, потому что на них приходилось врать. Я — абсолютно нормальный человек, вот клянусь, но иногда разговариваю сама с собой. Не так, конечно, что «дорогая Маша, давно не виделись, как у тебя дела, ой, что сейчас расскажу!», но, бывает, хвалю себя: «Ты, Машка, молодец!», или, наоборот, не хвалю: «Давай, Машка, поднимайся с дивана и дуй на пробежку!». Но попробуй только ответить «да» на этот провокационный вопрос у пси-

хиатра! А про сны? На всякий случай я всегда отвечала, что мне вообще ничего не снится. А то мало ли... Уверена, если начать приглядываться, то любого человека можно признать «слегка того», а то и не слегка...

Психолог же... Я возлагала на нее большие надежды. Олька мне тогда все уши прожужжала, какая эта Елена Александровна классная и как она ей помогла, вот я и подумала — схожу на пару сеансов, выучу несколько психологических приемчиков, и все, готово, Никитос снова у моих ног. Но, как водится, реальность с ожиданиями разошлись только так...

— Вам надо перестать так много о нем думать, — сказала Елена Александровна, глядя на меня своими большими, идеально накрашенными глазами. — Займитесь собой, своей жизнью. Перестаньте заикливаться на вашем общем гипотетическом будущем!

Ха, подумала я, гадая, это у нее свои такие замечательные ресницы, или она их нарастила, а кто тогда будет заботиться о нашем общем будущем, если не я? И как оно тогда наступит, если о нем никто не позаботится? Даже как-то жалко отданных денег стало, но что уж теперь... Интересно, сама-то Елена Александровна замужем? Или все ждет, пока как-то само образуется? Но спрашивать не стала. Я — вежливая девочка. Стараюсь, по крайней мере. А вообще, это прекрасная тактика: не можешь дать клиенту то, чего он хочет, убеди его, что ему это вовсе и не нужно. И все это за его деньги, ну круто же, да? Мысль, что Елена Александровна, возможно, не так уже и не права, я затолкала в самый темный угол. В конце концов, сдаться и отступить я всегда успею!

В общем, немного повздыхав на предмет встречи с их инопланетным психологом, и не ожидая от этого randevу ничего хорошего, я все-таки щелкнула на «записаться» и выбрала единственное оставшееся время — завтра и в жуткую рань. Ничего удивительного, что не заняли.

И ничего удивительного, что я ужасно опаздывала. На общение отводилось всего тридцать минут, и двадцать пять уже прошли, когда я вбежала на этаж. «Это очень-очень плохо, — крутилось у меня в голове, перидически, правда, сменяясь робкой надеждой — а вдруг это к лучшему все, и сократившееся время общения не позволит мне особо облажаться. С другой стороны, опоздание — явно не лучшая рекомендация... Сказать, что троллейбус сломался? Лифт? Машина не завелась? Я переводила через дорогу партию старушек?»

В кабинет я влетела, практически оттолкнув уже заходившего было следующего кандидата, — ишь, торопыга! — и, задыхаясь от быстрого бега, вцепилась в ручку двери, плотно ее прикрывая, чтобы не выставили. — Пять ... минут... еще! Пожалуйста!

По закону подлости — да, есть такой закон, и прекрасно действует, по крайней мере, в отношении меня! — психологом оказался тот самый синеглазый. Впрочем, определила я это больше по голосу — честно признаться, не могла я толком смотреть на них, чужих. По телевизору нормально, а лично — никак. Мне было неловко, стыдно за свою неприязнь и казалось, что они обязательно ее прочитают, стоит только встретиться глазами... Хотя этот, конечно, и так в курсе. И поэтому решил не идти мне навстречу.

— Мария Романова? — как-то удивленно произнес он, направляясь к нам с дверью — я нуждалась в поддержке, а дверь мне ее любезно оказывала. — Прошу прощения, но у меня встреча и...

— Пожалуйста! — взмолилась я и сделала неслыханное и крайне для самой себя неожиданное — вцепилась ему в руку. Неосознанно, чисто инстинктивно, чтобы остановить от открывания двери или фатальных для меня слов. И теперь мучительно соображала — что делать-то? Отпустить? Решит, что снова брезгую, и тут уже ничего не поможет. Держать дальше? А вдруг расценит как нападение? Он замер и молчал, и пришлось-таки поднять взгляд. Мамочки! Так близко я никого из них точно никогда не видела. Хорошо еще, он на меня не смотрит... ну, точнее, смотрит на мою руку, а не в глаза. Как смотрит — не понять. Удивленно? Сердито? Ждет, что я сама догадаюсь руку убрать? А я — нет, не догадаюсь. Он-то совсем невысокий, оказывается, всего на полголовы выше меня, а я тоже не сильно большая, и не сказать, что накачанный, хотя так в одежде и не понять... И с чего я вообще думаю об этом? А черты лица не то чтобы совсем уж чуждые, но все равно, какое-то все другое. Более грубые и четкие линии, и краски более яркие. Такой синевы в человеческих глазах не увидишь, как и серебряных волос. Может быть, просто считать его персонажем из какого-нибудь мультфильма? К мультяшкам я вроде неприязни не испытываю... пока.

— Пожалуйста! — повторила умоляюще, вздрогнув, когда он взглянул на меня.

Медленно и неохотно кивнул, все так же стоя у двери:

— Пять минут. Говорите. И нет необходимости меня держать, Мария Романова, я уже понял, что вы работаете над своей фобией и почти делаете успехи.

Я моментально его отпустила, разозлилась и, кажется, даже покраснела. По крайней мере, щеки стали вдруг горячими, и даже уши, кажется, тоже нагрелись. Все-таки наши, человеческие, психологи куда любезнее и тактичнее.

— Мне двадцать один год, не замужем, красный диплом, специализация: микробиология, — оттарабанила я и выжидательно на него уставилась. А что еще сказать-то? Отношения с родителями хорошие. Любовь — несчастная. Так, что ли?

— И? — он вернул мне не менее выжидательный взгляд. — Вы именно это так хотели мне сказать, что задерживаете мою встречу с представителем Городского комитета по развитию?

От недосыпа и нервов соображала я плохо и долго, но все-таки сообразила. Психолог и Городской комитет по развитию — что-то тут не сходится. Значит... значит, кто-то промахнулся кабинетом и совершенно напрасно облапал инопланетянина, еще и потеряв при этом драгоценные остатки своего времени у психолога.

— Вы не психолог, да? — все же уточнила я уже очевидное.

Он покачал головой:

— На четвертом этаже, Мария Романова. Это — третий.

И открыл мне дверь. Типа, давай, до свидания. А лучше — прощай.

Наверное, надо было молча уйти, постаравшись сохранить хоть немного достоинства, но это означало бы крах всего и конец всему.

— Пожалуйста... — сказала я и замялась, не зная, о чем именно просить. Но глаза, полные готовых пролиться слез, все же на него подняла. И невольно вздрогнула от пристального взгляда.

Все-таки глазищи у него уж слишком синие, как ненастоящие... Надо, наверное, что-то сказать? Попросить замолвить за меня словечко у психолога? Извиниться за потраченное время? А чего он сам-то молчит? И не моргает. Он вообще настоящий? А вдруг, эта псевдочеловеческая внешность — лишь скафандр, а под ним скрываются какие-нибудь крошечные муравьи-древоеды или осьминоги? А может, вообще медузы... Бррр.

— Что? — словно подслушав мои мысли, спросил синеглазый. И наконец-то моргнул. — Я не психолог, Мария Романова, и психологом не стану, как бы вы ни просили. Всего доброго.

И выразительный взгляд на дверь.

Я же... я ушла. Нет, вовсе не сдалась, но психолога уговорить будет, наверняка, проще, чем эту медузу в синеглазом скафандре. Так что вперед, на четвертый этаж, бороться за свое счастье.

Не знаю, сделал ли что-то синеглазый, или же мне просто так повезло, что более вероятно, но психолог меня приняла. Я еще только вбегала на этаж, когда услышала, как кто-то называет мои имя и фамилию, и бросилась к кабинету со всех ног. И теперь вот сидела в жест-

ком и холодном кресле, отвечая на вопросы, один удивительнее другого.

— Вам приходилось убивать? — благожелательно спросила молодая женщина, сверкая на меня изумрудными глазами и делая какие-то пометки в планшете. Надеюсь, это у нее не портативный детектор лжи. Не то чтобы мне было что скрывать, ну, кроме ксенофобии, но схожесть с допросом сама по себе нервировала.

— Считаете ли вы, что люди и руане равны, или одна из рас превосходит другую? Самый страшный поступок, который вы совершили? Самый лучший поступок? Чем вы гордитесь?

С прискорбием вынуждена признать, что я оказалась совершенно серой и непримечательной личностью, которой и гордиться нечем и вспомнить тайком — а-ля «стыдно рассказать, но приятно вспомнить» — тоже нечего. А еще было здорово не по себе от того, что на некоторые вопросы я не успевала отвечать, но инопланетянку это не смущало, словно мои ответы не имели никакого значения, а важно было лишь задать вопрос. Так что я все с большей опаской косилась на предмет у нее в руках: а вдруг это не планшет, а считыватель мыслей? Я тут всякую ерунду думаю, вон синеглазый постоянно в голову лезет, и зла я на него, хоть и понимаю, что сама во всем виновата, а эта вот штуковина небось берет и все записывает, и мои злость и нелояльность в том числе.

— Какие у вас отношения с киару? — очередной неожиданный вопрос, и я, уже привыкнув к тому, что стоит помедлить несколько секунд, и мы перейдем к следующему, решила даже не спрашивать, кто это. Но девушку

заклинило. Она взглянула в планшет, нахмурилась и снова посмотрела на меня. — Какие у вас отношения с киару, Мария Романова? Почему Вы не отвечаете?

— Кто это? — спросила я, вздыхая. Думалось почему-то про синеглазого, но отношений у меня с ним, к счастью, никаких нет. До ответа психолог, хотя какой она к бесенятам психолог, следовательно, да и только, не снизошла.

— Мы закончили, — сообщила она. — Будьте любезны, пригласите следующего.

Из здания я выходила с неприятным осадком на душе: все же как-то по-дурацки получилось с этим синеглазым, а выглядеть нелепо я не люблю. Сама, конечно, виновата, еще и унижалась зачем-то перед ним... И теперь этот эпизод как заноза в моей памяти — саднит, раздражает и не дает о себе забыть.

До чего же они, эти инопланетяне, все же неприятные... И до чего же сложно простить синеглазому свое собственное унижение.

ГЛАВА 2

Маша и предложения разной степени заманчивости

— Мария Александровна, вы любите свою страну? — Люблю! — честно ответила я. Да и разве можно ответить «нет», когда на тебя так смотрят. Словно не ответа ждут, а уже меру пресечения выбирают.

Я вообще всяческих спецслужб крайне опасаясь, робею как-то перед ними, и это мне самой в себе не нравится, но отказаться от общения с оными еще меньше шансов, чем в случае с инопланетянами.

Тихий, вежливый человек позвонил мне вчера вечером и пригласил «зайти побеседовать». И вот теперь я ючусь на крайне жестком и неудобном стуле — специально они, что ли, такую мебель закупают? — и хорошо еще, что лампу в глаза мне не направили. Впрочем, мне и без лампы достаточно неуютно, так и хочется согласиться на все что угодно, лишь бы скорее уйти. И никогда больше не приходить.

— Тогда, — благожелательно улыбнулся мне вежливый человек с ледяным взглядом, — буду с вами откровенен.

